

* * *

Чернеет червоточинами дыр
наш мрачный мир. Утрата за утратой.
Мы отступаем – хмурые солдаты
своих надежд, зачёркиваем даты,
пропавшие напрасно, без возврата,
среди ерунды и мелочной вражды.
Кровавый снег.
Колючий, едкий дым.

Да ладно. Ты не сгинул молодым,
не видел ни трагедий, ни страданий,
ни голода, ни жатвы палачей.
Ты просто прожил жизнь в параличе
баюкающей стужи ожиданий.
Надеялся – засветится звезда
шальных удач – украсят орденами
нас – хмурых, сонных, мелочных солдат.
...А время прёт, взрывая города,
когда-то не построенные нами.

* * *

Застывший снег. Рябиновый настой.
Вечерний дом, обжитый немотой.
Часы идут – и ты уходишь дальше

от суеты и гама летней дачи,
от споров, кутерьмы, собачьих драк,
от вишни, погибающей безвинно
в бордовых пальцах, от интриг, новинок,
от залихватских песен, звонких врак...
И от себя – восторженной и пафосной.

Часы идут. Снежинки тихо падают –
хоронят шум, липучий и пустой.
Застывший снег. Рябиновый настой.

***
От первых строк –
неровных, робких строк,
беспомощных, смешных, косноязычных,
всю жизнь мою, сквозь бури, тьму и рок
я продираюсь к русской речи – зычной,
свободной, не умеющей молчать,
горючей, гордой, гулкой, говорливой,
врачующей, гарцующей игриво,
и плачущей от боли по ночам.

Печаль моя, с убогою сумой
иду к тебе по свету – и по мраку –
юродивым, бездомною собакой.
И, кажется, иду к себе самой...

* * *
Определение себя от обратного.
От оборотной своей стороны –
тёмной, изъеденной оспою,
словно изнанка луны.
Определение себя от противного –
чем больше противного, тем резче сжимается «я» –
будто края
опалённой бумаги.
И флаги –
подходишь поближе –
на ощупь – совсем не мои.

Всё чаще бои –
но всё реже я верю призывному граю –
тому, кто играет
– и с пафосом щёки надул –
трубачу-трюкачу.
Как надо – не знаю.
Но знаю, что так не хочу.

* * *

Время съёжилось.
Мрачно забилося в паркетную щель –
то ли стыдно ему,
то ли – мне.
И вообще,
больше не о чем –
незачем –
с ним разговаривать.
Полоумный старик –
время месит болотно-тягучее, жгучее варево
из нелепых обрядов, обетов, несътых утроб,
похорон и хвороб,
из ворованных мыслей, восторженных чувств и вороньего грая.
Может, просто играет.
Войнушки –
любимая с детства игра.
И стирается грань –
на экране –
то Звёздные войны,
то – пылает Рейхстаг,
то – пылает над полем рассвет –
Куликовым, кровавым –
скажите, какой это век?..